ется тем механизмом, который способен координировать операцию в регионе [11]. Однако, по мнению многих аналитиков, только военными средствами восстановить порядок в Афганистане невозможно.

По данным Международного совета безопасности и развития (International Council on Security and Development), контроль талибов над территорией разных провинций Афганистана в 2008 году увеличился на 18% по сравнению с 2007 годом (данные по 2009 году еще не опубликованы). За эти годы возросло и количество жертв среди гражданского населения.

Таким образом, после почти восьмилетнего периода присутствия иностранного контингента на территории Афганистана проблема нестабильности остается почти такой же насущной и острой, как и восемь лет назад, наркобизнес продолжает процветать, в связи с чем борьба с коррупцией представляется крайне сложной. Афганское население не может наладить полноценную мирную жизнь, да и сами международные силы безопасности подвергаются периодическим нападениям.

Окончание в «ГС» № 1

«Соглашения о статусе военных миссий в Афганистане и Ираке принципиально отличаются. Соглашение с Ираком содержит более четкие и жесткие условия пребывания военного контингента: американские военные не обладают иммунитетом в отношении личного ареста или задержания и подчиняются юрисдикции Ирака. Соглашение Ирак-США содержит более жесткие условия по сравнению с соглашением Афганистан-США».

Литература

1. *Сотников В.И.* Новая стратегия президента США Б. Обамы в отношении Пакистана и Афганистана. http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/03-04-09.htm
2. *Хюшбен Ю.* «Несокрушимая свобода» на грани краха. http://www.rpmonitor.ru/ru/ detail_m.php?ID=12738&print=Y
3. Боннское соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов от 5 декабря 2001 г., № S/2001/1154. http://www.un.org/russian/ha/afghanistan/docs/01-1154.pdf/
4. Резолюция СБ ООН о положении в Афганистане от 20 декабря 2001 года, № S/RES/1386 (2001). http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1386.htm
5. *Шило Н.* Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны / Наталья Шило; Центр партнерства цивилизаций. М.: МГИМО-Университет, 2008. С.7.
6. http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/ pdf_2009_03/20090331_ 090331_afghanistan_ report_2009.pdf
7. Военно-техническое соглашение от 4 января 2002 года между МССБ и Временной администрацией Афганистана, Приложение А «Положения о статусе МССБ».
8. Доклад ГА ООН «Об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение» от 25 августа 2008 г.
9. «Порядок регулирования деятельности частных военных и охранных компаний на территории Афганистана».

Сергей МАРТЫНЕНКО

ПОЛИТОЛОГИЯ В ЛАНДШАФТЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

В научном сообществе широко обсуждается тема российской политики, «приуроченной» к новому витку строительства капитализма. «По мере вхождения в капиталистический мир, – полагает В. Подорога, – складывается колоссальное сопротивление со стороны населения, значительных социальных групп, и это сопротивление увеличивается. Но, как ни странно, это сопротивление растет, отрицая не само будущее капиталистического сообщества, а крайние формы вхождения в него, именно вхождения, потому что в широком смысле идеи демократии, свободы являются сейчас в целом высоко ценимыми. …это ощущение большей свободы, то есть независимость и отторженность от государства, постепенно укрепляется как очень высокого качества ценность» [1].

На самом деле тезис о сопротивлении населения России по поводу вхождения в капиталистическое общество достаточно спорен. Ведь это не сопротивление гражданского общества. В процессе такого вхождения очищаются и структурируются социальные связи, что не отторгается обществом, а, наоборот, приветствуется. Какая-то часть населения СССР, являвшаяся бенефициарами, т.е. получающими выгоду, оказывала реформам сопротивление. Но к их числу не относилась молодежь. Ныне противодействие процессам очищения, страховки социальных связей снижается, потому что снижаются социальные риски. Эти рассуждения В. Подороги ставят новые вопросы, только усиливающие сомнение в их правильности: что такое «капитализм», насколько адекватен термин применительно к нашей общест-

Сергей МАРТЫНЕНКО – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории социологии ИСПИ РАН

венной ситуации, что такое свобода, как возможна независимость от государства, что такое демократия? Без ответа на эти вопросы рассуждения о путях вхождения России в капиталистический мир остаются крайне проблематичными. Проясняя же их, мы одновременно наносим на когнитивную карту политики какие-то узловые точки, которые наглядно демонстрируют, насколько политология вписана в ландшафт социального знания.

Решения, связанные с выявлением современной базы наших знаний в области социального анализа, экстраполируются как основания стратегии построения теории политической рациональности, позволяя осуществлять междисциплинарный синтез многообразия теоретических и эмпирических знаний о политическом континууме. Тем самым интеллектуальный аппарат политологии встраивается в социокультурный контекст. В результате возникает дилемма эволюционизма, кумуляции или ломки понятий политических наук, проблема описания всей окрестности влияния этого контекста на формирование политических знаний и обратного воздействия политологии на всю сферу социогуманитарных отношений и дискурсов. Постоянно происходят изменения основного набора номенклатурных единиц, в которых мы описываем формирование новых типов политической практики и рациональности.

Саму политологию нередко трактуют как науку о власти. Рассматривая природу власти, А. Кожев считает, что она предполагает «**отношение** (между действующей и страдательной сторонами); а это, по своей сути, **социальный** (а не индивидуальный) феномен; чтобы имелась Власть, необходимы по крайней мере двое» [2]. Но такое утверждение не совсем корректно. Власть социальна в силу того, что имеет кредитную основу. Она описывает социальные связи: чтобы появилась власть, не обязательно нужны двое, ведь власть – это и индивидуальный феномен. А сам социальный феномен тоже в принципе индивидуален.

В своих рассуждениях А. Кожев исходит из принципа линейности – отношение он трактует как отношение между двумя точками, не учитывая, что есть еще и ось времени, и пространство, где эти точки перемещаются. Он говорит практически о том, что эти двое должны быть рядом. Но как быть, если А. Герцен в Лондоне, а царь в России, то есть если дистанция между двумя субъектами растянута в пространстве? На А. Герцена не оказывается физического давления, но это давление можно спокойно организовать. Даже феномен наследования власти – это феномен кредита как договора о наследовании: нередко одно властное лицо передает своему преемнику договор о наследовании в обмен на кредит – гарантии прав для себя после истечения срока полномочий. Понимание того, что технологии обеспечения такой гарантии очень трудно достижимы, приводило, например, к тому, что королевская власть передавалась после смерти: это была гарантия того, что сын не навредит отцу, хотя мы знаем массу ситуаций («Король Лир»), которые учат, что нельзя таким путем передавать власть, потому что здесь не выстроена система минимизации рисков и страховых конструкций.

Когда мы говорим о кредите, о кредитном геноме общества, то имеем в виду конструкцию денег. Это достаточно сложная организация, распределенная во времени и пространстве, в которой задействовано много индивидуумов. Для того чтобы минимизировать риски, возникающие при этой конструкции, появляется масса социальных институтов – нотариат, государство как таковое, позволяющее кредиту, то есть денежной структуре, спокойно развиваться. Как только социальные группы начинают злоупотреблять кредитом, перетаскивать на себя властные отношения, узурпировать социальные отношения в обществе, нормальные кредитные связи перестают работать. В кредитной системе возникают риски. Задача данных социальных групп заключается в том, чтобы быть бенефициаром до тех пор, пока эти риски не начнут носить взрывной характер – тогда возникает революция или происходит смена власти.

В период Великой французской революции начиналась структурная путаница между формами и сущностью денежных отношений. Она приводила к тому, что возникали конструкции и харизматические лидеры, которые предлагали различные рецепты разрешения этих конфликтов. Насколько адекватны были лидеры – это второй вопрос. Если исследовать формирование Национального банка Франции, то становится ясно, что в тот период производилась выдача перераспределительных возможностей и прав для одних банкиров (действовавших в интересах государства, в интересах узурпации власти, которая совершалась на данный момент) в ущерб другим, отстаивавшим интересы социальных групп, не сумевшим осуществить такую узурпацию. Еще Наполеон говорил, что председатель Национального банка ворует. Но если все общество ворует, то почему банкир не должен воровать? Сам вопрос о воровстве скорее социально-философский, чем социологический: одни считают, что другие воруют, последние же уверены, что берут свое.

Политология – инструмент юстирования, синхронизации права, экономики и теории государства, инструмент выстраивания и настраивания оптической системы так, чтобы через линзу экономики, социологии, права просматривались все поля узурпации власти, все аберрации этой системы. Правда, весь вопрос в том, существуют эти социальные дисциплины или нет. Так, сегодня экономической науки как таковой нет, а экономические науки в академическом смысле – это попытки создавать математические модели, которые тем не менее адекватно не описывают социальные связи. Задача любого правительства – пытаться найти технологические описания социальных связей, условно говоря, научиться составлять «розу ветров», дующих в обществе. Но если экономисты не знают, как социальную розу ветров составлять, то о какой науке может идти речь?

Политология – наиболее развитая дисциплина в комплексе социальных наук, широко использующая наряду с методами дескриптивизма и структуралистские, и сравнительно-исторические, и типологические методы. Современная политология представляет собой не просто одну из социальных дисциплин, примостившихся к их возвышающемуся склону. Сегодня она – и в этом нет намеренной ее модернизации – явно претендует на то, чтобы быть базисным социокультурным сценарием, своего рода семиотической моделью, задающей не только их функции, но и инновационные структуры осмысления социальной реальности.

Существующие ныне тенденции позволяют говорить о трансдисциплинарности политологии. Но обретение ею такого качества связано с переосмыслением оснований многих социальных наук, с пониманием процессов протекания социальных взаимодействий в неравновесных условиях. В частности, важно представить изучаемые социальными науками объекты в

качестве включающих в себя ответвления корневищ политических систем. Сегодня программы «политологического видения» возникают во многих социальных науках, хотя и находятся в начальной стадии своей реализации. Политологический подход к анализу современного общества нередко элиминирует проблему истины как ведущего критерия научного знания, отдавая приоритет таким социально-психологическим характеристикам, как приверженность той или иной убежденности, интерсубъективность, достигаемая благодаря консенсусу между различным образом ангажированными защитниками той или иной групповой динамики в обществе.

Выйти на анализ проблемы места политологии в системе социальных наук можно прежде всего через исследование оснований политической науки. В качестве пространства оснований мы рассматриваем поле синтеза, которое выступает как аналитическое средство для изучения социального статуса политики, синтеза, осуществляемого посредством своеобразной конвертируемости категорий и понятий политологии и других социальных наук. В одном измерении этого поля политика и социальная реальность выступают как его крайние участки, обладающие законченным различием. То есть они конструируются не как соединившиеся вместе, а как сталкивающиеся, как противоположные друг другу явления, как две оппозиции; проникая друг в друга, каждая из них как бы впервые вступает в незнакомый мир.

На границе столкновения политического и социального очерчивается таинственная сущность власти, государства. Тем не менее противоположности между политической и социальной системами не есть нечто застывшее. Они переходят друг в друга, совмещаются, разрешаются, тем самым демонстрируя, что реальной борьбы противоречий можно избежать посредством моделирования ее в диалоге социальных и политических сил. Борьба превращается в серию импровизаций на заданную тему, в ходе которой их работа продолжается на новых основаниях: этот диалог позволяет, если воспользоваться выражением К. Поппера, гибнуть теориям, а не их сторонникам.

Другое измерение связано с противостоянием фигур политического меризма и социального холизма, когда политика рассматривается или как базовый элемент всей целокупности социальных явлений, свойства которой сводятся к сумме составляющих его элементов (политика, право, экономика, мораль, культура), или как отдельный элемент, к свойствам которого, как и к свойствам других элементов, не сводится социальная целостность.

Основания политической науки определяют не только критерии научности в этой дисциплине, но и смысловые структуры самой политики как системы, которая содержит информацию, обеспечивающую устойчивость всей социальной системы. Семантизация матриц политического синтеза предоставляет способ решения, дающий возможность уподоблять выполняемую ими в жизни общества функцию той, какую выполняют гены в живом организме. Матричные состояния придают целостность сложнейшему набору различных политических феноменов и структурируют социальный шифр, текст социальной записи, выступая своего рода высокополимерными соединениями социальной жизни.

Смыслы матриц политического организма (понятий «государство», «власть», «политическая партия», «избирательная система», «демократия» и т.д.), формируя целостный образ политического мира и выражая шкалу ценностных приоритетов соответствующего типа политической деятельности, определяют, какие фрагменты из непрерывно обновляемого политического опыта обеспечивают передачу наследственных признаков в ряду поколений, а какие приводят к социальным мутациям.

Будучи своеобразными социальными синонимами, они не только обобщают политические тенденции, но и делают явным то, как они намекают друг на друга, взаимоперекликаются, фиксируют, какие рефлексивные структуры будут преимущественно регулировать политическое поведение, подсказывать новые политические сюжеты, составлять оттенки социальной ткани. В этом отношении функционирование матриц действительно напоминает функционирование генотипа. Социальный геном – это своеобразный культурно-генетический код, в соответствии с которым воспроизводятся политические организмы.

С другой стороны, мутации социальных организмов, социальные инновации невозможны без изменения политико-генетического кода. В этой связи исследователи призывают внимательно присмотреться к тому, как меняется политическое сознание. «Политика только тогда становится профессиональной областью деятельности, когда она осознанно присутствует в гражданской жизни всех членов общества, чем бы они ни занимались» [3]. Это значит, что политика «сидит» в социальных связях. Политика – это не профессия, а образ жизни, для понимания которого сегодня важно осознать, какие «точки роста» новых ценностей возникают здесь в условиях перехода к новому типу развития, связанному со становлением постиндустриальной цивилизации.

Литература

1. Синий диван. Журнал. [Вып.9]. М., 2006. С.51.
2. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2007. С.17.
3. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М., 2004. С.238.

В следующем номере:

«Взаимоотношения федеральной и региональных элит существенно влияют на политическую безопасность государства. От них зависит функционирование экономического механизма страны, хозяйственные связи, условия движения товаров, капитала и рабочей силы, а следовательно, экономический потенциал страны, ее экономическая безопасность. Если в обществе нет согласия по фундаментальным основам общественной жизни, политические противоречия между федеральными и региональными элитами таят в себе заряд политического напряжения и возможность дестабилизации».

Заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета, доктор политических наук В.М. ЮРЧЕНКО